

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. И. НОВИКОВА В МОСКВЕ (1779—1792)

Л. Фридберг

В русском общественном движении конца XVIII в. Н. И. Новикову принадлежит выдающееся место. Однако, несмотря на обилие литературы, посвящённой Новикову, его общественная деятельность и мировоззрение до сих пор полностью не раскрыты. В значительной степени это объясняется тем, что историки неправильно подходили к оценке этого общественного деятеля.

Взгляд на Новикова как на передового общественного деятеля и просветителя, характерный для русского общества первой половины XIX в. (Пушкин, Белинский, Герцен), постепенно подвергался пересмотру в специальных исследованиях. Начиная с работы М. Н. Лонгинова «Новиков и московские мартинисты» (М. 1867), чрезвычайно богатой фактами, Новикова стали рассматривать как масона и с этой предвзятой точки зрения давали оценку всей его деятельности.

Юбилейная статья В. О. Ключевского¹, продолжившего, но не развившего в своих исследованиях взгляд на Новикова как на просветителя, не изменила господствующего в литературе направления.

В эпоху империализма буржуазная историческая наука, несмотря на дальнейшее изучение источников и накопление фактического материала, сделала шаг назад в понимании Новикова как общественного деятеля.

Отмежёвываясь от демократической идеологии XVIII в., буржуазная историография XX в. (Милюков, Вернадский и др.) тенденциозно противопоставила революционеру Радищеву Новикова-масона, стоявшего на позициях умеренной критики, идеализма, деизма². Развивая эту антитезу, буржуазная историография искусственно разделила деятельность Новикова на два противоположных периода: петербургский (70-е годы), односторонне трактуемый как период только социальной критики екатерининской России, и период московский (80-е годы), рассматриваемый как период только масонский, религиозно-мистический, соответствовавший идеологии русской «ищущей интеллигенции» (Милюков).

К этому же противопоставлению двух периодов в деятельности Новикова пришёл и Плеханов, исходивший в своей «Истории русской общественной мысли» из теории абсолютной отсталости России по сравнению с Западом³.

Мнение о двух существенно противоположных периодах в деятельности Новикова и антитеза Новикова и Радищева отчасти вошли и в историческую литературу советского периода, получив наиболее законченное выражение у Я. Л. Барскова. Только в отличие от буржуазной историографии начала XX в. и вслед за Плехановым эта антитеза оказалась направленной против Новикова, который в представлении Барскова был не более, как «заурядным помещиком», «убеждённым монар-

¹ Ключевский В. Воспоминания о Новикове и его времени. Публичная речь в связи с 150-летием со дня рождения Новикова (1894). Второй сборник статей. М. 1918.

² Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. III. Ч. 2-я. СПб. 1896; Вернадский Г. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг. 1917.

³ «Если в 70-е годы, — писал Плеханов, — Новиков был одним из самых передовых русских людей, то в 80-е годы Новиков — типичный масон-розенкрейцер, «просвещавший» общество «в духе настоящего кладбищенства». Соч. Т. XXII, стр. 297

хистом», «ортодоксальным христианином»⁴. «Радищев был пророком предтечей революции, Новиков — реакции» — к такому абсурдному выводу пришёл Барсков, сравнивая двух выдающихся представителей русского общественного движения XVIII века⁵.

Стремление Барскова «развенчать» Новикова не встретило поддержки (впрочем, точка зрения Барскова не подверглась и решительной критике ни среди историков, ни среди литературоведов), тем не менее косвенно влияние этой точки зрения сказалось в том, что деятельность Новикова 80-х годов до самого последнего времени выпадала из внимания исследователей. Поскольку Новиков объявлялся просветителем, новейшие авторы рассматривали лишь его деятельность 70-х годов; поскольку изучался московский период его деятельности, Новиков оценивался как масон-мистик и даже как консерватор в своих общественно-политических воззрениях.

Однако место Новикова в русском общественном движении определяется не только 70-ми годами, как бы ни была ярка социальная критика его сатирических журналов, но и общественно-просветительской деятельностью в 80-е годы в Москве. Известный поворот, но отнюдь не решительный разрыв с прошлым в деятельности Новикова произошёл в середине 70-х годов, и не в результате сближения с масонами, как утверждает Барсков, а в связи с усилением политической реакции в России после крестьянской войны 1773—1775 годов.

Новиков не был ни политическим борцом, ни революционным мыслителем, чтобы в условиях реакции вслед за Радищевым подняться на открытую борьбу с крепостничеством и абсолютизмом. Он избрал другой путь — путь мирного просветительства. Идейное развитие Новикова и Радищева, носившее близкий характер в период «Трутня» и «Живописца», с середины 70-х годов пошло различными путями: у Радищева — через глубокое освоение материалистической философии и революционно-демократического мировоззрения к непримиримой борьбе с крепостничеством; у Новикова — через победу просветительской струи в его мировоззрении к широкой, но мирной по своему характеру общественной, литературно-издательской, педагогической, филантропической деятельности. Однако в своём последовательном развитии эта просветительская деятельность в условиях буржуазной революции на Западе и обострения социальных противоречий, вызванных ростом капиталистического уклада в России, привела к тому, что мирный просветитель Новиков объективно стал столь же опасным для крепостнического общества, как и революционер-демократ Радищев. Отсюда и сходство их политической судьбы.

Не как масон-мистик, но как просветитель, передовой общественный деятель с широкими связями и огромным идейным влиянием выступил Новиков в русском общественном движении конца XVIII века. Книгоиздательство и журналистика явились центральным звеном этой просветительской деятельности.

Начнём с краткого обзора количественной стороны издательской деятельности Новикова и рассмотрим её материальную, типографическую базу.

80-е годы XVIII в. были временем быстрого роста книжной продукции в России, причём существенная роль в этом подъёме принадлежала Новикову. За московский период — 1779—1792 гг. — Новиков издал

⁴ Неопубликованная статья Я. Л. Барскова «Масонские журналы XVIII века». Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. Архив Я. Л. Барскова. БРСК XVIII. Там же, биографический очерк «Н. И. Новиков. Жизнь и деятельность». БРСК XVI—6.

⁵ «Литературное наследство» № 9—10 за 1933 год, стр. 344.

893 названия книг, то есть около 30% всей книжной продукции России за эти годы. Однако конец активной издательской деятельности Новикова следует датировать не временем его ареста, а 1789 г., когда Новиков по распоряжению Екатерины был лишён университетской типографии, и тогда удельный вес новиковских изданий за 80-е годы составит 34%, то есть $\frac{1}{3}$ всей книжной продукции России. Этот процент будет ещё большим, если учитывать количество томов, а не названий книг, поскольку именно Новиковым была издана значительная часть всех многотомных изданий XVIII века.

Издательская деятельность Новикова в Москве началась в 1779 г., когда он при содействии Хераскова и группы московских масонов арендовал на 10 лет типографию Московского университета, университетскую книжную лавку и издание газеты «Московские Ведомости». По условиям аренды, Новиков становился полновластным хозяином предприятия⁶, однако университет сохранял административное наблюдение над типографией и цензуру над её изданиями.

В момент заключения аренды типография находилась в крайне запущенном состоянии, а «Московские Ведомости», единственная газета второй столицы, выходили тиражом всего в 600 экземпляров. Новиков привёл в порядок механическую часть, приобрёл новое оборудование, выписал из-за границы новые шрифты. По свидетельству Шварца, Университетская типография в 80-е годы уже не уступала лучшим типографиям Европы⁷. Её печатная продукция только за первые три года аренды её Новиковым превысила всю продукцию за предыдущие 24 года её существования. Одновременно Новиков организовал огромную по масштабам книжную торговлю, а тираж «Московских Ведомостей» дошёл до 4500 экземпляров.

Университетская типография в течение всего московского десятилетия была главной базой издательской деятельности Новикова: объём её продукции составлял 558 названий — 62% всех новиковских изданий. Кроме того она была тем местом, где проявлялась совершенно самостоятельная деятельность издателя, так как типография никогда не была масонским предприятием и ею целиком руководил сам Новиков.

В 1783 г. типографическая база Новикова значительно расширилась. После указа Екатерины о вольных типографиях Новиков открыл в Москве вольную типографию на своё имя⁸. Одновременно были открыты вольная типография на имя Лопухина и небольшая тайная типография в 2 печатных стана, предназначавшаяся для печатания масонской литературы⁹.

⁶ В начале аренды Новиков, повидимому, пригласил двух компаньонов (см. письмо Новикова Я. И. Булгакову. «Русский архив» за 1864 г., стр. 738—739). В 1784 г. Новиков для «смотрения за типографическими делами» взял мазона Алексея (Пыпина. Русское масонство XVIII в. Приложение, стр. 343. М. 1916). Из источников не видно, чтобы Алексей играл какую-либо роль в издательских делах.

⁷ Автобиографическая записка Шварца «Летописи русской литературы и древности», изданная Н. С. Тихонравовым. Т. V, стр. 103 (в дальнейшем «Летописи» Тихонравова). См. также статью И. Снегирёва (сын известного ученика Новикова, литератора и журналиста М. Снегирёва). «Московские Ведомости» за 1854 год, № 111. По свидетельству известного библиографа Соликова, типография университета имела до 20 печатных станов и шрифты на русском, греческом, латинском, английском, немецком, французском и еврейском языках («Опыт русской библиографии». Т. I, стр. СХVIII—СХIX и СХХIII). Для сравнения с размерами других типографий 80-х годов достаточно указать, что большая вольная типография Пономарёва имела всего 4 стана и шрифты на русском и латинском языках (Соликов. Указ. соч. Т. I, стр. СХХIII).

⁸ См. «Записки Лопухина». «Русский архив» за 1884 год. Т. I, стр. 34. Сушков указывает, что Новиков открыл вольную типографию при содействии и на средства Дружеского учёного общества («Московский университетский благородный пансион», стр. 22. М. 1858).

⁹ Типографическая и издательская деятельность Новикова оказала несомненное влияние на развитие издательского дела в Москве и провинции. Для некоторых провинциальных типографий, например, Тамбовской типографии, организованной Державиным, можно установить непосредственную связь с Новиковым (см. переписку Державина с

Анализ книжной продукции новиковских типографий показывает следующее тематическое распределение московских изданий Новикова: художественная литература составляет 333 названия (37,3%); общественно-политическая и философская — 127 названий (14,2%); учебная и научная — 168 названий (18,8%); литература богословская и масонская, в том числе духовные проповеди, слова — 203 названия (22,7%); прочая литература (справочники, наставления, письмовники и т. д.) — 61 название (7%). Всего за период 1779—1792 гг. Новиков издал 893 названия, из них переводная литература составляла около 65%¹⁰.

Условность взятого нами деления книжной продукции Новикова несомненна: литература XVIII в. с её неизменной тенденцией морализирования и своеобразным синкретизмом тематики позволяет отнести одно и то же произведение к разным книжным группам¹¹. Тем не менее оно даёт в целом правильное представление о тематическом составе новиковских изданий.

Книгоиздательскую деятельность Новикова в Москве следует разделить на три периода, которые определяются как общественными связями издателя, так и его идейной направленностью.

В первый период (1779—1782 гг.) вся издательская деятельность Новикова опиралась на типографию Московского университета. Первое место среди новиковских изданий в эти годы занимала художественная литература (109 названий — более 40% всех изданий этого периода), затем шла литература научная и учебная, общественно-политическая и философская, и лишь на четвёртом месте стояла литература религиозно-нравственная (38 названий — около 15% всех изданий). Что касается собственно масонской литературы, с характерным для 80-х годов мистицизмом, то в этот период в новиковских изданиях она отсутствовала. Подобный состав новиковских изданий в начале 80-х годов не был случайным. Он отражал сравнительно слабое влияние масонов на издательскую деятельность Новикова в эти годы. Масонский кружок, оказывая Новикову известную организационную и материальную поддержку, предоставлял ему полную самостоятельность в делах издательства. В свою очередь, и Новиков, поглощённый изданием журналов, организацией типографии и Педагогической семинарии, до конца 1781 г. не принимал активного участия в масонских собраниях и связях¹².

Перелом произошёл в конце 1782 г., когда в новиковских изданиях значительно возросло число книг духовно-нравственного содержания. Нам кажется, что объяснение это нужно искать во взаимоотношениях Новикова с масонами. В 1782 г. окончательно оформилась организация московских масонов, в которой Новиков наряду со Шварцем занял

Новиковым и Н. Трубецким об организации в Тамбове типографии. Державин. Соч. Т. V, стр. 549 и 649—651. 1869. Насколько был высок авторитет Новикова-издателя, показывают постоянные обращения в Московский университет из провинции с просьбой об оказании помощи в организации местных типографий.

¹⁰ Периодические издания распределены по тематическому принципу с отнесением к первому году издания. Так же классифицирована и детская литература.

¹¹ Именно поэтому нам кажется нецелесообразным давать более дробные рубрики, как это делает Л. Б. Светлов, устанавливающий 20 самостоятельных книжных групп, в том числе языковедение, теорию и историю искусств и т. д. («Издательская деятельность Новикова», стр. 61. М. 1946). Нужно учитывать также, что религиозный сюжет книги не всегда даёт основание относить её к богословской литературе. Именно эту ошибку допускает М. Н. Лонгинов в отношении таких произведений, как «Мессиада» Клопшток или «Потерянный рай» Мильтона. Ту же ошибку делает и Плеханов (См. соч. Т. XXII, стр. 284).

¹² На допросе Новиков показал Шешковскому, что первое время в Москве он был «совершенно занят типографическими делами, а масонством почти не занимался» (Лонгинов М. Указ. соч., стр. 077).

видное положение. В этом же году официально открылось полумасонское Дружеское учёное общество, ставившее своей задачей издание учебной и духовно-нравственной литературы¹³.

Богословская и масонская литература печаталась почти исключительно в лопухинской и тайной типографиях и в меньшей степени в типографии Типографической компании. Типография же университета, основная база самостоятельной издательской деятельности Новикова, и в эти годы продолжала выпускать художественную, научную и общественно-политическую литературу. После того, что говорилось выше об участии Новикова в работе отдельных типографий, видно, что центр тяжести издательской деятельности Новикова лежал совершенно не в издании богословской, мистической литературы. Этот вывод подтверждается также сравнением издательской продукции новиковских типографий этого периода с периодическими изданиями самого Новикова («Прибавление к «Московским Ведомостям», «Покоящийся трудолюбец», «Детское чтение»), которые далеко выходили за рамки масонского мировоззрения. Совершенно очевидно, что преобладание масонской литературы в новиковских изданиях второго периода отражало не столько идейное, сколько материальное влияние на Новикова со стороны московских масонов.

Книгоиздательская деятельность Новикова уже в середине 70-х годов натолкнулась на противодействие правительства. В августе 1784 г. Екатерина поддержала Комиссию о народных училищах, возбудившую дело о самовольной перепечатке Новиковым учебных изданий Комиссии, хотя Новиков сумел доказать, что перепечатка учебников была произведена по приказанию главнокомандующего Москвы графа Чернышева. В том же году Екатерина запретила печатание в «Прибавлениях к «Московским Ведомостям» «ругательной статьи» об ордене иезуитов. Таким образом, начало правительственных репрессий было связано не с масонской деятельностью Новикова; удары правительства были направлены против Новикова-книгоиздателя и журналиста. Назначение главнокомандующим Москвы графа Брюса, враждебно настроенного к новиковскому кружку, подготовило целую серию правительственных гонений¹⁴. Все они рассматривались в литературе, как борьба Екатерины

¹³ На участие Дружеского общества в издательской деятельности Новикова указывает пометка, появлявшаяся на новиковских изданиях в конце 1782 г.: «Иждивением Новикова и Компании». Под «Компанией», очевидно, следует понимать Дружеское общество, снабдившее Новикова средствами на открытие вольной типографии.

¹⁴ 7 октября 1785 г. Екатерина указами графу Брюсу и Плутону предложила провести в Москве ревизию всех частных школ и училищ и «упразднить... все те училища, кои не сходными окажутся с правительственными предписаниями» (Лонгинов М. Указ. соч. Приложения, стр. 016 — 17). Указ требовал, в частности, чтобы «для учения присвоены были книги, в других училищах употребляемые, преимущественно же издания и впрямь издаваемые от Комиссии об установлении народных училищ» (там же). Последнее было прямо направлено против Новикова, в издательской продукции которого учебники занимали значительное место.

23 декабря 1785 г. указами Брюсу и Плутону «в рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги» Екатерина предложила провести ревизию новиковских изданий и «испытать Новикова в законе нашем» (там же. Приложения, стр. 018). Не дожидаясь результатов ревизии, 23 января 1786 г. Екатерина предложила московскому губернатору Лопухину провести в Москве новый осмотр школ и больниц, «заведённых скопищем нового раскола». Другим указом Екатерина требовала вторично допросить Новикова в губернском правлении в связи с деятельностью его типографии («Чтение Общества истории и древностей российских» за 1867 год. Книга IV. Смесей, стр. 44—45). Одновременно, неудовлетворённая медленным ходом ревизии книг, Екатерина 11 февраля 1786 г. потребовала от Лопухина ускорения осмотра опечатанных новиковских изданий. 27 марта 1786 г. после донесения Платона и Лопухина о результатах ревизий, Екатерина рескриптом на имя Брюса предложила конфисковать 6 книг, а остальные распечатать и пустить в продажу, «но при том помянутому Новикову, да и вообще содержателям вольных типографий в Москве строжайше подтвердить, чтобы они остерегались издавать книги, исполненные подобными странными мудрованиями или, лучше сказать, сущими заблуждениями, под опасени-

против масонства. С подобным мнением согласиться нельзя. Правда, книги, запрещённые Екатериной в результате ревизии новиковских изданий, были масонскими произведениями, однако решительно все правительственные указы были направлены против новиковских типографий и просветительных учреждений и даже не упоминали о масонских ложах.

1786 год был переломным в общественной деятельности Новикова. Освобождаясь от масонского влияния, Новиков расширял связи с университетской молодёжью, писателями, переводчиками, книготорговцами. Кружок Новикова переставал быть группой книжников-филантропов и выходил на широкую арену общественной жизни. Уже в 1787 г. кружок организовал широкую помощь голодающим крестьянам Подмосковья.

Как общественный деятель с широкими связями и большим идейным влиянием, Новиков становился опасным для правительства. Отсюда и правительственные репрессии против новиковского кружка, в ряду которых ограничение деятельности масонских лож в 1786 г. было моментом далеко не первостепенного значения.

Наибольшего размаха и идейной целеустремлённости книгоиздательская деятельность Новикова достигла в третий период (1787—1792), особенно до лишения Новикова Университетской типографии. В эти годы Новиков не только развернул огромное по масштабам издательство (135 названий книг в 1787 г. и 155 названий в 1788 г.), но и сумел в значительной степени освободиться от масонского влияния. С 1787 г. на новиковских изданиях исчезает указание на иждивение Типографической компании, что, несомненно, свидетельствовало о падении интереса к издательским делам со стороны масонов. Этот отход масонов от издательской деятельности Новикова объясняется тем, что типография Лопухина и тайная типография, печатавшие масонскую литературу, прекратили своё существование в 1786 г., а 27 июля 1787 г. последовал указ Екатерины, запрещающий печатать в светских типографиях книги, «до свяitosti касающиеся». Отход масонов от издательской деятельности Новикова вызывался также непрерывными репрессиями со стороны правительства¹⁵. Таким образом, расчёты Шредера и берлинских розенкрейцеров сделать Типографическую компанию своим орудием для распространения масонства в России провалились. Шредер не мог удержаться в Москве и в 1787 г. уехал в Германию. Типография компании, как и Университетская типография, перешла в безраздельное управление Новикова.

Соответственно общественным связям Новикова конца 80-х годов, когда роль масонов в новиковском кружке прогрессивно падала, изменился и характер его книжной продукции. Первое место вновь прочно заняла художественная литература (160 названий — около 45% всей книжной продукции), далее шла литература научная и общественно-политиче-

ем не только конфискации тех книг, но и лишения права содержать типографии и книжные лавки, а при том и законного взыскания» (Лонгинов М. Указ. соч. Приложение, стр. 035).

¹⁵ Это подтверждали и сами масоны на следствии. Князь Н. Трубецкой показал: «Что принадлежит до печатания, продавания и рассылания книг, то признаюсь, что прежде сделанных запрещений, я был согласен оные печатать и продавать. Но после оных я шлюсь на самого г. Новикова, что я ни во что касательно до типографского дела не входил, а имел от него отвращение, о чём не единократно говаривал с г. Новиковым и желал прекращения оного» (Лонгинов. Указ. соч. Приложение, стр. 0121). Лопухин утверждал, что «в бывшей типографии компании печатанием и продаванием книг управлял поручик Новиков; я в оное не входил» (там же, стр. 0132). Показания масонов на следствии «о холодности» во взаимоотношениях с Новиковым в конце 80-х годов можно, разумеется, поставить под сомнение. Однако они находят подтверждение в частной переписке московских масонов с А. М. Кутузовым, жившим в Германии (См. Барско в Я. Переписка московских масонов XVIII в. Пг. 1915. См. также письмо А. М. Кутузова к И. П. Тургеневу от 4 ноября 1788 г., в статье Тарасова «Забывтый русский розенкрейцер А. М. Кутузов». Сборник статей, посвящённых Платонову, стр. 219. СПб. 1911).

ская, и лишь на четвёртом месте — религиозно-нравственная литература, которая за весь третий период составила только 36 названий (около 10%), причём вся она была издана в 1787 году. После указа Екатерины Новиков не рисковал печатать мasonicкую литературу, но продавал уже подготовленные издания¹⁶. Лонгинов, Вернадский и другие авторы считают, что запрещение печатать богословскую литературу нанесло Новикову-книгоиздателю тяжёлый удар¹⁷. Однако указ Екатерины не помешал значительному росту книжной продукции Новикова в конце 80-х годов и именно потому, что затрагивал лишь незначительную часть печатавшейся и продававшейся Новиковым литературы¹⁸.

Не только правительственные указы, но и характер общественных связей Новикова конца 80-х годов, поворот в его взаимоотношениях с масонами вызвали резкое падение религиозно-нравственной и мasonicкой литературы в книжной продукции Новикова в третий период его издательской деятельности.

После указа 27 июля 1787 г. Екатерина не прекратила преследования Новикова. Уже летом 1788 г. она предложила отказаться Новикову в продолжении аренды Университетской типографии, а 17 октября того же года специальным циркуляром московскому главнокомандующему Еропкину подтвердила своё намерение¹⁹. И в следующие годы Екатерина не переставала следить за книгоиздательской деятельностью Новикова. В ноябре 1789 г., уже в период Французской революции, Еропкин в специальном донесении сообщил Екатерине, что на основе её «секретного повеления» он произвёл новый осмотр книжных лавок в Москве, но «больше оных (запрещённых книг. — Л. Ф.) у того книгопродавца по осмотру не нашлось»²⁰. Видимо, Еропкин придавал большое значение «секретному повелению», так как обещал «по всей точности производить исполнение со всеприлежным и скрытым... наблюдением» и немедленно доносить о действиях того книготорговца²¹. Таким образом, Екатерина не выпускала Новикова из своего внимания, и именно как издателя и книготорговца, вплоть до его ареста в 1792 году.

Усиленный надзор за Новиковым в 1789 г., очевидно, вызывался также сочувственным отношением к Французской революции «Московских Ведомостей», в издании которых всё ещё принимали участие ученики и сотрудники Новикова.

Такой же надзор за Новиковым был установлен и со стороны церковных властей²².

¹⁶ Об этом говорил на следствии не только сам Новиков (Лонгинов М. Указ. соч. Приложения, стр. 069), но и его книготорговец Кольчугин, стремившийся всеми силами отделить себя от Новикова и дававший часто крайне невыгодные для Новикова показания («Летопись» Тихонравова. Т. V, стр. 19—20).

¹⁷ Вернадский Г. Русское масонство в царствование Екатерины II, стр. 125. Пг. 1917. Л. Б. Светлов также считает, что указ Екатерины нанёс Новикову «непоправимый материальный ущерб, так как книги духовного содержания составляли значительную часть оборота тогдашней книготорговли» («Издательская деятельность Новикова», стр. 69. 1946).

¹⁸ Сам Новиков в письме к графу Безбородко от 12 марта 1786 г., ходатайствуя о разрешении пустить в продажу опечатанные книги, указывал, что «бессомнительные книги, как то: азбуки, грамматики, лексиконы, математические, исторические, географические, экономические, романы, сказки, театральные сочинения.. составляют более $\frac{3}{4}$ опечатанной литературы» («Чтения Общества истории и древностей российских» за 1867 год. Кн. IV. Смесь, стр. 49).

¹⁹ Лонгинов М. Указ. соч. Приложения, стр. 055.

²⁰ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Сношения государей русских с разными правительственными местами и должностными лицами, дело № 189, л. 4.

²¹ Там же.

²² См. донос на Новикова протоиерея Алексея московскому прокурору Кольчеву. «Русский архив» за 1882 год. Т. II, стр. 76 — 83. Тот же Алексеев ещё в 1785 г. подал на Новикова донос духовнику Екатерины, Панфилову, после чего последовали указы Екатерины Брюсу и Платону о ревизии новиковских изданий («Русский архив» за 1871 г., стр. 218).

Не запрещение печатать богословскую литературу, а непрерывные репрессии со стороны правительства, лишение Университетской типографии, а затем и арест Новикова в 1792 г. насильственно оборвали его книгоиздательскую деятельность.

Первое место среди новиковских изданий, как мы видели, занимала художественная литература, составлявшая более трети всей книжной продукции издателя. Она доминировала и по отдельным годам, за исключением второго периода. Вопреки мнению Лонгинова и Вернадского, Новиков смотрел на художественную литературу не как на «типографический продукт», издававшийся в коммерческих целях, а как на важное средство народного просвещения. Достаточно указать на новиковский «Опыт исторического словаря о российских писателях», в основе которого лежит мысль об огромной просветительной роли русской литературы и русских писателей.

Художественная литература, издававшаяся Новиковым, далека от простой развлекательности. В ней отражена философская и политическая мысль века, она проникнута идеями естественного права, рационализма, новой, всесловной, гуманистической морали. Не только философские и социально-политические, но и художественные произведения Вольтера, Дидро, Руссо пропагандировали новое мировоззрение. В этом смысле роман XVIII в. с его ярко выраженной социальной и философской тенденцией сделал не меньше, чем философская и научная литература эпохи Просвещения.

Более 60% художественной литературы, изданной Новиковым, составили переводы. На первом месте и по численности и по художественной значимости стояла французская литература, и это объяснялось не только распространённостью французского языка в русском образованном обществе XVIII в., но прежде всего идейной близостью литературы эпохи Просвещения тем общественным кругам, на которые была рассчитана издательская деятельность Новикова.

Переводная художественная литература, изданная Новиковым, крайне разнообразна, но и в этом разнообразии мы можем установить определённую закономерность.

Прежде всего нужно отметить крайне незначительное место, какое занимала в ней художественная литература античного мира. Это был решительный разрыв с пристрастием к классицизму дворянского общества XVIII века. Античная литература занимала ещё добрую половину изданий екатерининского «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Однако античная трагедия или классический эпос были далеки по духу и тематике и малодоступны широким городским слоям России. Ещё более показательно, что в изданиях Новикова незначительное место занимала литература западноевропейского классицизма XVII—XVIII веков. В московский период Новиков всего лишь один раз издал Корнеля и два раза Расина, хотя оба драматурга для высшего дворянского общества оставались непоколебимыми литературными авторитетами. Из других выдающихся произведений европейского классицизма Новиков издал «Луизиаду» Камюэнса и «Потерянный рай» Мильтона и переиздал «Освобождённый Иерусалим» Тассо.

Особое место в этой литературной группе занимал Мольер, который, примыкая к классицизму, являлся вместе с тем предшественником буржуазной драмы Дидро и Мерсье. Мольер переводился и ставился на сцене в России ещё в 50—60-х годах. Новиков издал и переиздал 13 пьес Мольера, причём 12 из них в 1788 г., когда политическая обстановка была совершенно иной, нежели в годы проникновения произведения этого замечательного французского драматурга в Россию. В эпоху

кануна европейской революции и явно обозначившейся реакции в России издание таких комедий Мольера, как «Тартюф», неизбежно вызвало недовольство крепостнического правительства и самого дворянства²³.

Таков был круг художественных произведений западноевропейского классицизма, издававшихся Новиковым в 80-х годах. Новиков издавал только наиболее выдающихся авторов и произведения европейского классицизма, отдавая явное предпочтение бытовой комедии Мольера и таким писателям, как Мильтон, сделавшим значительный шаг к психологизму и сентиментализму.

Круг читателей, на который ориентировался Новиков, указывал на необходимость этого выбора. Это же обстоятельство диктовало Новикову в его издательской деятельности выбор основного направления и основного жанра — сентиментального романа и «слёзной», мещанской драмы. Начиная с 60-х годов XVIII в., переводные сентиментальные романы Фильдинга, Ричардсона, Мармонтеля получили широкое распространение в русском обществе, особенно в кругах городского мещанства и провинциального дворянства. Роман составлял свыше 13% всех изданий конца XVIII в., а на книжном рынке его удельный вес достигал 20—25%²⁴. По свидетельству Карамзина, «чувствительный» роман покорило русское общество: «Слёзы, проливаемые читателем, текут всегда от любви к добру и питают его»²⁵.

Если в издании сентиментального психологического романа Новиков выполнял заказ читающей публики на уже сложившийся литературный репертуар, то ещё большую роль он сыграл в распространении «мещанской» драмы. Правда, сочинения Дидро, и Мерсье, и Бомарше появились в России до Новикова, но только массовые новиковские издания, особенно в конце 80-х годов, дали им широкое распространение в кругах городского мещанства. В конце 80-х годов Новиков издал драмы Дидро «Побочный сын» и «Чадолобивый отец», «Фигарова женитьба» и «Евгения» Бомарше, «Школа клеветы» Шеридана, «Эмилия Галотти» Лессинга, комедии Мольера, Детуша и Гольдберга и значительное число «слёзных» драм малоизвестных авторов. В эти же годы Новиков издал трагедии Вольтера «Смерть Цесарева», «Нанина, или побеждённое предрассуждение», «Принцесса Вавилонская», а также впервые на русском языке — Шекспира — трагедию «Юлий Цезарь» в переводе Карамзина.

Нетрудно видеть, что переводная художественная литература, издаваемая Новиковым в конце 80-х годов, характерна своей социально-политической направленностью. В ней ярко выражен протест против деспотизма и произвола тирана (Вольтер, Шекспир), против феодального угнетения (Бомарше) и клерикализма (Мольер). С особой силой она выступала против социальных привилегий дворянства, за равенство третьего сословия во всех областях жизни (Дидро, Бомарше, Лессинг). Правда, значительная часть этих произведений представляла переиздания, но в условиях политической реакции конца 80-х годов Вольтер и Бомарше звучали по-новому, оказывая на передовое русское общество огромное влияние антифеодальной направленностью своего творчества.

Особенно важное значение имело издание Новиковым произведений русских писателей XVIII века. И здесь для Новикова характерна определённая идейная и литературная направленность. Он сравнительно мало издавал сочинения представителей русского классицизма XVIII в., делая

²³ Екатерина в 80-х годах покровительствовала иезуитам. Ср. с запрещением статьи об ордене иезуитов в «Прибавлениях к «Московским Ведомостям» в 1784 году.

²⁴ Сипловский «Из истории русской литературы XVIII века». «Известия отделения русского языка и словесности» Академии наук. Т. VI, стр. 152. СПб. 1903.

²⁵ Карамзин Н. Соч. Т. III, стр. 550.

исключения для Сумарокова и Хераскова, причём Херасков 70—80-х годов, перешедший на позиции сентиментализма, представлен в новиковских изданиях гораздо полнее, чем Херасков периода классицизма. Из произведений В. Майкова Новиков в московский период переиздавал преимущественно комические оперы, басни и поэмы, лишь дважды обращаясь к трагедиям. Показательно, что Новиков почти не издавал оригинальных произведений современных ему дворянских писателей, за исключением Николаева, антикрепостническую драму которого «Розана и Любим» он издал дважды. Остаётся под вопросом отсутствие в новиковских изданиях оригинальных произведений Фонвизина, в том числе «Недоросля», тем более, что переводы Фонвизина Новиков печатал неоднократно. Было бы, разумеется, ошибочным усматривать в этом антидворянскую направленность Новикова. Однако для характеристики классовых позиций издателя чрезвычайно показательно то предпочтение, которое он отдавал писателям демократического, разночинного лагеря и буржуазной литературе, слабой в художественном отношении, но обладавшей ярко выраженной социальной направленностью. Из этой группы авторов Новиков трижды издавал Эмина «Приключения Фемистокла» и «Похождения Мирамонда», а также писателей-разночинцев — Лукина, М. Чулкова, М. Попова, Левшина, Аблесимова, которых он печатал и как авторов и как переводчиков²⁶.

Социальная среда, на которую ориентировался Новиков, определила и в оригинальной художественной литературе преобладание новых жанров, мало заметных в дворянской литературе XVIII в.: мещанской драмы, комической оперы, бытовой комедии²⁷. В новиковских изданиях широко представлены также «низкие», по представлению дворянской литературы, жанры, как плутовская повесть, анекдоты, пословицы и особенно широко — фольклор, собранный Чулковым, Поповым, Левшиным²⁸. Плутовская повесть, народные сказки и песни принадлежали, по выражению Новикова, к наиболее ходячей в мещанской среде литературе, выделяясь своими демократическими, антифеодальными тенденциями. Не случайно митрополит Платон при ревизии новиковских изданий к числу «сомнительных» книг отнёс русские сказки и собрание российских песен Чулкова, а также ряд бытовых комедий, которые, по его утверждению, не служат «ко исправлению нравов»²⁹.

Предназначая художественную литературу главным образом для городского мещанства, купечества, первых представителей буржуазно-демократической интеллигенции, то есть «российского третьего сословия», и в меньшей степени для мелкого дворянства, Новиков издавал её большим тиражом и продавал по низкой для своего времени цене.

Философская и общественно-политическая литература, вышедшая из новиковских типографий, представляет особый интерес для понимания мировоззрения Новикова, тем более, что основная масса книг этой

²⁶ В 1781 г. Новиков бесплатно печатал сатирический журнал Аблесимова «Расказчик забавных басен» и распространял его через университетскую книжную лавку. Эмин, М. Попов, Аблесимов сотрудничали с Новиковым ещё в сатирических журналах.

²⁷ Например, мещанская трагедия Я. Благодарова «Смешное собрание», мещанские трагедии Левшина «Торжество любви» и «Гарстлея и Флоричини» и многие другие.

²⁸ В 1780—1781 гг. Новиков издал шеститомное «Новое и полное собрание российских песен», насчитывавшее до 800 народных песен, собранных Чулковым и Поповым (в 1783—1787 гг. сборник был переиздан). К этому же литературному жанру относятся «Русские сказки», составленные Чулковым, русские сказки в перевождении Друковцева, «Вечерние часы или сказки славян древлянских» Левшина, сказки Аблесимова и т. д. В 1787 г. Новиков переиздал сборник новелл и анекдотов «Товарищ Разумной», а в 1788 г. — знаменитую плутовскую повесть «История Ваньки Каина».

²⁹ «Чтения Общества истории и древностей российских» за 1867 год. Кн. VI. Смесь, стр. 54.

группы была издана в конце 80-х годов, когда издательская деятельность Новикова носила особенно целеустремлённый характер.

Среди книг этой группы большое место занимает французская литература эпохи Просвещения, что, несомненно, отражало социально-политические симпатии издателя. Многократное издание и публикация в журналах сочинений Вольтера, Руссо, Мармонтеля, Монтескье, несомненно, опровергает утверждение Барскова о якобы враждебном отношении Новикова к просветительной философии XVIII в. в целом.

Значительная часть философской литературы, изданной Новиковым, посвящена этическим проблемам, вопросам личной и общественной нравственности. Эта тема, столь же характерная и для так называемых масонских журналов Новикова 80-х годов, определялась идеей, лежащей в основе идеалистического мировоззрения Новикова. Новиков мечтал о мирном переустройстве общества путём нравственного воспитания личности и распространения просвещения. Как и в журналах 80-х годов, в книгоиздательской деятельности она разрешалась преимущественно на материале и на образах античной и восточной философии³⁰.

Этой же теме посвящена философская литература сентиментального направления, изданная Новиковым в 80-е годы. Таковы «сборник «О блаженстве, из творений Руссо», известная книга Мармонтеля «Инки или разрушение перуанской империи» — яркий памфлет против религиозного фанатизма и суеверия, трактат английского философа Попа «Опыт о человеке», а также ряд произведений мало известных или безыменных авторов. Из оригинальных произведений философско-нравственной литературы следует назвать небольшую книжку Лаврентия Давыдовского, студента университета и литературного сотрудника Новикова, «Рассуждение о истинном человеческом благе, выведенное и доказанное из самой человеческой природы».

Хотя во всех этих произведениях вопросы религии занимали существенное место, было бы ошибочным относить их к богословской литературе. Далёкая от ортодоксального отношения к церкви, проникнутая сенсуалистическим деизмом, философско-нравственная литература в новиковских изданиях носила печать просветительной философии, преимущественно руссоизма. Она проповедывала идеи «естественной религии» и естественной морали, выступала против религиозного фанатизма и нетерпимости, призывала к достижению «общественного блага» путём нравственного совершенствования личности, но вместе с тем боролась против атеизма. Философско-нравственная литература, несомненно, отражала мировоззрение самого Новикова, проникнутое религиозностью, но чуждое ортодоксальной церкви³¹. Именно эта литература связывала Новикова и наиболее прогрессивные круги московских масонов, также испытывавших идейное влияние сентиментализма и руссоизма³².

Вопросы нравственности не были единственной темой философских

³⁰ Например, «Описание жизни Конфуция», «Золотые часы государей по образу жизни Марка Аврелия», «Нравоучения древних философов», «Краткое описание жизни древних философов» «Джунгли, или книга о верности» и др. Подобный же интерес к восточной нравственной философии характерен и для французских просветителей, например, для Руссо и Вольтера.

³¹ Большой интерес в этой связи представляет издания Новиковым в 1785 г. «Сокращённая история философии от начала мира до нынешних времён» (перевод с франц.). Автор книги восторженно отзывался о Бэжоне, Декарте, Ньюtone, Бруно, Лейбнице, но материализм и атеизм XVIII в. получал у него отрицательную оценку.

³² Например, масонские издания «Естественная богословия...» Дергама, «Книга премудрости и добродетели» Додслея, «Беседы с богом» Штурма и др., которые отражают влияние на Новикова раннего масонства, почти свободного от мистицизма и примыкавшего к умеренному крылу просветительной философии. Характерно, что в борьбе с атеизмом Новиков издал такие книги, как «Рассуждение против атеистов...» Гуго Гроция и «Христианин воин христов и победоносное его оружие...» Эразма Роттердамского.

изданий Новикова. Для самой философской литературы XVIII в. характерно стремление привить возможно более полное мировоззрение: собственно философские проблемы в ней тесно переплетены с вопросами политики, экономики, морали, науки и просвещения, воспитания и т. д. Эта литература представлена в новиковских изданиях рядом интересных произведений, трактовавших прежде всего вопросы политики. В 1780 г. Новиков издал в типографии университета двухтомный трактат «Рассуждение о благоденствии общенародном Лудвига Антония Муратория» (перевод с французского Попова), пропагандировавший теорию договорного происхождения государства и просвещённую монархию, где царствует разум, а монарх подчинён «власти естественного закона народного права...»³³. Вместе с тем в трактате в духе философской литературы XVIII в. делались подробные экскурсы в историю европейских государств, затрагивались социально-экономические проблемы, вопросы воспитания, морали и т. д. Просвещённую монархию, основанную на незыблемом «естественном законе», пропагандировал также большой политический трактат «Аристид, или истинный патриот», печатавшийся ещё в «Вечерней заре» в 1782 году. Во время ревизии новиковских книг Платон отнёс «Аристида» к числу «сомнительных», так как «местами по оной много рассеяно мыслей, могущих произвесть разные мудрования и толкования»³⁴.

В 1782 г. в типографии университета Новиков издал отдельной книгой печатавшийся ещё в «Утреннем свете» политико-философский трактат «Путешествие добродетели», проникнутый, несмотря на выпады против материалистической философии XVIII в. идеями политического либерализма. В отличие от предыдущих произведений «Путешествие добродетели» выражает симпатии уже не просвещённой монархии, а монархии конституционной, связывая с наличием парламента экономическое превосходство Англии в XVIII веке. Симпатии Новикова к конституционализму проявились также в издании книги Блекстона о политическом устройстве Англии³⁵ и лекций члена Дружеского общества проф. Шнейдера по книге Монтескье «О духе законов»³⁶. В 80-е годы Новиков переиздал политический роман Мармонтеля «Велизарий» и работы Руссо «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» и «Рассуждение о науках и искусствах». Хотя книги Руссо, Мармонтеля и Блекстона были переизданиями, но в условиях реакции 80-х годов они получали новый политический смысл и новое звучание. Не случайно Екатерина запретила в 80-х годах «Велизария» Мармонтеля, хотя перевод книги в конце 60-х годов был сделан под её руководством.

Наибольшей остроты политико-философская литература достигла в последний период издательской деятельности Новикова. Здесь нужно прежде всего выделить политический трактат «Народная гордость» Циммермана. Издание этой книги специально ставилось Новикову в вину и было одним из серьёзных пунктов обвинения³⁷. Правда, Новиков на следствии показал, что он «сей книги не читал и совершенно не знал её

³³ «Мураторий». Ч. 1-я, стр. 37. В этой же книге читаем: «Государи должны наипаче всего помнить, что ежели народы им подвластны, то они сами должны быть подвластны законам» (там же, стр. 165).

³⁴ «Чтения Общества истории и древностей российских» за 1867 год. Кн. IV. Смесь, стр. 54.

³⁵ «Истолкование Аглинских законов г. Блекстона» (перевод Десницкого). Тип. унив. 1780—1782. В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева в главе «Подберезье» юноша-семинарист говорит о книге Блекстона: «Не худо было бы заставить судей наших иметь сию книгу, вместо святцев, заставляя их чаще в неё заглядывать, нежели в календарь».

³⁶ «Discours sur l'Esprit des Loix de Mr. de Montesquieu... Рассуждение на Монтесквиеву книгу о разуме законов». Тип. унив. 1782.

³⁷ Сб. Русского исторического общества. Т. II, стр. 117 и 130; см. также ответы Новикова Шешковскому (Лонгинов М. Указ. соч. Приложения. стр. 0101).

содержания»³⁸, однако в «Московских Ведомостях» за 1788 год в библиографическом отделе он дал высокую оценку «Народной гордости» как книге, которая содержит «прекрасные философские рассуждения, подкрепляемые доводами из истории»³⁹. Надо полагать, что Новиков не только читал эту книгу, но и был инициатором её издания. Этим и нужно объяснить его стремление скрыть переводчика книги ссылкой на неизвестного студента, который якобы принёс ему готовый перевод⁴⁰.

Основная тема «Народной гордости» — политические формы государственного устройства и их сравнительная оценка. Автор горячо прославлял республику, ибо в «республиках благополучие почитается правом, а в монархиях приписывают его случаю». Республика — высшая форма политического устройства, в ней «гордость гражданина происходит от необходимости, равенства между всеми гражданами и от безопасности». «Я почитаю за республиканца такого человека, — говорится в трактате, — который всему предпочитает любовь к своему отечеству, законам и безмерную ненависть к деспотизму»⁴¹. Трактат распространялся Новиковым в годы Французской революции, и это не могло не вызвать беспокойства правительства. В эти же годы Новиков издал «Историю о правлении древних республик» Тюрпина и политический трактат «Вильгельма Пенна, основателя и законодателя Пенсильванской провинции плоды уединения», обличавший тиранию неограниченного монарха.

Не масонская мистическая литература, а издаваемые Новиковым либерально-политические произведения, отклики на Французскую революцию «Московских Ведомостей» и «Политического журнала» ученика Новикова Сохацкого вызывали страх Екатерины, заставляли её видеть в Новикове человека враждебного ей лагеря — лагеря Радищева.

Значительное место в книжной продукции Новикова занимала социально-экономическая тематика. XVIII век — «век торговли» (Маркс) — определил эту тему как центральную в экономических изданиях Новикова. Вопросам торговли много места уделяли и журналы Новикова 80-х годов, особенно «Прибавления к «Московским Ведомостям»⁴². Для Новикова торговля — наука, «озарённая светом рассудка и философии», решающий фактор экономического развития страны, создания «цветущего многонародия». В 80-е годы Новиков издал ряд книг, посвящённых «науке купечествования», то есть теории и практике торговли, и среди них известное многотомное издание Чулкова «Историческое описание российской коммерции».

Другой экономической темой новиковских изданий были вопросы рационального сельского хозяйства. Из этой литературы наибольший интерес представляют книги, пропагандировавшие опыт буржуазного английского земледелия: «Наставник земледельческой, или краткое английское хлебопашества показание» английского экономиста Томаса Боудена (авторизованный перевод Десницкого) и «Описание практического английского земледелия» протоиерея Самборского.

Вопросы помещичьего рационализаторства и предпринимательства широко ставились и в издаваемых Новиковым журналах: «Экономическом календаре» Друковцева и «Экономическом магазине» Болотова.

Последнюю группу публицистических изданий Новикова составляли педагогические произведения. В 80-е годы он издал ряд работ выдаю-

³⁸ Там же.

³⁹ «Московские Ведомости» № 64, за 1788 год, стр. 776. Далее изложено краткое содержание книги.

⁴⁰ Лолухин и Тургенев, как это видно из их показаний Прозоровскому, явно не знали о книге Циммермана и путали её с книгой «О духовной гордости», напечатанной в типографии Лолухина (Лонгинов М. Указ. соч. Приложения, стр. 0139 и 0146).

⁴¹ Циммерман «Народная гордость», стр. 111—112. 1788.

⁴² «Прибавления к «Московским Ведомостям» за 1783 г., трактат «О торговле вообще». Статьи о торговле составляли основную тему этого журнала и в 1784 году.

шихся представителей передовой буржуазной педагогики, в том числе трактат Локка «О воспитании детей», а также философско-педагогические романы Руссо. Вопросы воспитания затрагивались почти во всех философских изданиях Новикова и в его журналах 80-х годов⁴³. Кроме серьёзных работ по вопросам педагогики, Новиков издал ряд практических руководств по воспитанию, рассчитанных на массового читателя, средние слои городского населения, на тех, кто воспитывал детей собственными силами, не поручая их «гофмейстерам»⁴⁴.

Особую группу новиковских изданий составляла литература для детей. Помимо «Детского чтения», первого русского журнала для детей, Новиков издал около 40 детских книг и журналов, то есть более половины всей литературы для детей, вышедшей в России в 80-е годы. Новиковские издания для детей получили широкое распространение в демократических и мелкодворянских кругах русского общества и прочно вошли в репертуар детского чтения вплоть до середины XIX века.

Не меньший интерес представляет учебная и научная литература, составившая около 20% всех книжных изданий Новикова. Новиков стремился распространить науку и знания в широких кругах русского общества, издавая массовым тиражом дешёвые учебники, медицинские наставления и технические руководства, книги по отечественной истории и географии. Он был противником придворной науки, оторванной от жизни, существовавшей за счёт поддержки двора или меценатов. Его журналы 80-х годов пропагандировали союз науки и жизни, науку народную, ибо «народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых»⁴⁵. За московское десятилетие Новиков издал и переиздал до 50 названий учебников и учебных пособий для школы и университета, то есть основную массу учебников, вышедших в России в 80-е годы. Здесь были ряд учебников родного языка: букварей, азбук, грамматик; латинские и греческие учебники и грамматики; учебники немецкого, французского и итальянского языков; ряд учебников и учебных книг по истории, географии и пиитике⁴⁶. Доступность изложения, массовость и дешевизна издания делали новиковские учебники наиболее распространёнными в широких слоях городского общества⁴⁷.

Из университетских курсов отметим учебник немецкого языка Шварца, учебные пособия по юридическим наукам Дильтея, руководство по математике Аничкова, учебники философии Баумейстера и др.

Среди научных изданий Новикова наиболее значительную группу составляли книги по русской истории, географии, местные топографические описания. Количество названий этой группы достигало 30 и относилось преимущественно к третьему периоду издательской деятельности Новикова. Интерес к отечественной истории, ярко выражавший патриотизм Новикова — ведущую и наиболее сильную сторону его мировоззрения, — обозначился ещё в Петербурге. Новиков рассматривал изучение отечественной истории как важное средство просвещения и нравственного

⁴³ См. «Прибавления к «Московским Ведомостям» за 1783 и 1784 годы. Особенный интерес представляет оригинальный педагогический трактат «О воспитании и наставлении детей» (1783 г.), написанный, вероятно, самим Новиковым.

⁴⁴ Например, «Наставления отцам и матерям о телесном и нравственном воспитании детей», «Наставления от отца дочерям» и др.

⁴⁵ «Московское ежемесячное издание». Ч. 1-я, стр. 282—283.

⁴⁶ Например, «Краткая всеобщая история» Шрека 1787 г., «Краткое начертание географии» Баумана 1781 и 1788 г., «Учебники поэзии Аполлоса» 1780—1781 гг. и др.

⁴⁷ Уже после опечатания книжной лавки Новикова в ней оставались 1934 экземпляра «Российской грамматики» по 40 коп.; 2706 экземпляров «Французской грамматики» по 30 коп.; 1638 экземпляров «Латинской грамматики» по 20 коп. и т. д. (ЦГАДА, разряд VIII, дело 218, л. 165).

воспитания народа. Однако в Москве, издавая исторические работы, в частности работу Чулкова по истории русской торговли, собирая и публикуя местные топографические описания, Новиков преследовал не только научные, но и иные цели. Он считал, что изучение отечественной истории и географии должно способствовать экономическому освоению страны, развитию национальной промышленности и торговли: «Цветущее многонародие» должно покоиться на твёрдом фундаменте «отечествоведения». Этот социально-экономический подход к отечественной истории был новым моментом в деятельности Новикова, ясно выявившимся только в Москве.

В 80-е годы Новиков переиздал почти все исторические работы и документы, которые печатались им ещё в Петербурге в 70-е годы. Он поддерживал тесную связь с видным историком того времени Щербатовым и археографом Миллером, поставлявшими Новикову материал для «Древней Российской Вивлиофики»⁴⁸.

Центральное место в исторических изданиях Новикова московского периода занимали работы о Петре I. Помимо многочисленных документов, Петру посвящён изданный Новиковым 12-томный труд «Деяния Петра Великого» курского купца Голикова, с которым Новиков был лично знаком⁴⁹. Публикация работ и документов, связанных с петровской эпохой, свидетельствовала о том, какую роль отводил Новиков Петру и его преобразованиям в России. В журналах 80-х годов Новиков также прославлял Петра, как просветителя, давшего мощный толчок культуре и просвещению России: «Он был в России первый солдат, первый корабельщик, первый законоподвижник, первый справщик гражданской печати»⁵⁰. Пётр привлекал внимание Новикова и как смелый реформатор. В отличие от дворянской историографии XVIII в. — начала XIX в. (Щербатов, Карамзин) Новиков не разделял деятельность Петра на две стороны: положительную (просвещение) и отрицательную (социальные реформы). Социальная политика Петра, особенно покровительство русской торговле и промышленности, выдвижение людей незнатной «породы» за их личные способности и заслуги встречали не менее положительную оценку Новикова, чем деятельность Петра, направленная на развитие отечественного просвещения.

Наибольший интерес среди исторических изданий Новикова представляет «Древняя Российская Вивлиофика», составившая во втором издании 20 томов и выходявшая в течение трёх лет (1788—1790 гг.). Документы, напечатанные в ней, даны в хронологической последовательности и без сокращения. Многие из них были опубликованы впервые по спискам «книгохранильницы» самого Новикова или сообщены ему Миллером, Бантыш-Каменским, Щербатовым⁵¹. Новиков поместил в «Вивлиофике» ряд топографических описаний, связывая тем самым науку с практическими задачами экономического освоения страны.

Второе издание «Вивлиофики» свидетельствует о том, что планы Новикова шли дальше публикации исторических документов. Правда, из предисловия к «Вивлиофике» видно, что Новиков, предпринимая издание, не решался ещё поставить задачу исторической критики и обобщения: «Что же касается до изъяснения некоторых тёмных и невразумительных мест, равномерно и критических примечаний, то не мог я ещё приступить к тому и при сём втором издании»⁵². Однако в последней части «Вивлио-

⁴⁸ В 80-е годы Новиков переиздал Судебник Ивана IV и «Родословную книгу князей и дворян российских»; из работ Щербатова — «О старинных степенях чинов России», «Краткое историческое повествование о начале родов князей российских», «Письмо князя Щербатова Болтину», а также переиздал ряд документов, ранее опубликованных Щербатовым.

⁴⁹ «Летописи» Тихонравова. Т. II, стр. 108.

⁵⁰ «Утренняя звезда». Ч. 1-я, стр. 207.

⁵¹ См. предисловие ко 2-му изд. «Древней Российской Вивлиофики».

⁵² Там же, стр. IX.

фики» наряду с документами он впервые опубликовал две больших статьи: «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России» и «Московские старинные приказы», — первая из которых особенно интересна тем, что выявляет историческую концепцию автора и его взгляды на крестьянский вопрос. Я. Л. Барсков в черновых заметках высказал предположение, что статья принадлежит самому Новикову, так как в ней встречаются ссылки на работы всех крупных историков XVIII в., что исключает их авторство⁵³. Это предположение нам кажется довольно вероятным. Но если даже авторство Новикова нельзя считать вполне доказанным, то помещение статьи в «Вивлиофике» всё же является ярким свидетельством мировоззрения издателя. В «Вивлиофике» Новиков не выступал сторонником немедленного освобождения крестьян. Предварительным условием уничтожения крепостного права он считал просвещение крестьян, которые на это время должны оставаться под властью «попечительного помещика». «Сначала просвещение, потом свобода», — эта формула определила слабость позиций Новикова в крестьянском вопросе, обусловленную как компромиссностью экономических взглядов Новикова на сельское хозяйство, так и ограниченностью теоретических взглядов узкого просветительства. Однако в той же статье автор сурово обличал помещичий произвол, обычай продавать крестьян без земли, сдавать их в рекруты, «обременять несоразмерными силами их поборами и налогами». Он бичевал тех помещиков, которые, «забыв человечество, захотели собственных своих крестьян разорять и утешаться их бедностью и слезами»⁵⁴. XX том «Вивлиофики» вышел в 1791 г., когда во Франции бушевала революция, а в России — крепостническая реакция.

Появление исторических статей свидетельствовало о намерении издателя превратить «Вивлиофику» в исторический журнал, то есть выполнить как раз ту задачу научной критики и обобщения, которую Новиков пока ещё смутно осознавал, начиная публикацию второго издания своего труда.

Огромный научный интерес представляет работа М. Чулкова «Историческое описание российской коммерции». Книга эта, преследуя практическую задачу — научить русского купца «правильной коммерции», — давала вместе с тем огромный материал по экономике отдельных областей России. С этой же целью Новиков издал топографическое описание Вологды, Астрахани, Харьковской губернии, а также «Новый и полный географический словарь российского государства», составленный его учеником и сотрудником Л. Максимовичем⁵⁵.

Большой раздел в новиковских изданиях составляли географические работы, посвящённые путешествиям и колониальным открытиям. В основном они носили популярный характер, приближаясь иногда к беллетристике. Такие книги, как «Всеобщее повествование о путешествиях...» и «История о странствиях вообще по всем краям земного шара» Прево, книга Кампе об открытии Америки, «Новые путешествия в Западную Индию», «Жизнь славного мореходца Казарда» и др. имели огромный успех среди городского мещанства и купечества. Отличаясь увлекательной формой, они давали вместе с тем солидные научные знания и пропагандировали определённые социальные идеи.

Ряд книг, изданных Новиковым, посвящался европейской истории

⁵³ Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки имени Ленина. Архив Я. Л. Барскова, БРСК XVI, л. 10.

⁵⁴ «Древняя Российская Вивлиофика». Т. XX, стр. 271. 2-е изд.

⁵⁵ Словарь Максимовича составлен на основе географического словаря Полунина (1773), географического описания России Бюшинга, а также топографических описаний. Словарь даёт большой географический, исторический, этнографический материал, уделяет особое внимание торговле и промышленности (описание ярмарок, торговых сёл, заводов).

истории древней и восточной. Из них наибольший интерес представляет работа французского аббата Миллота «Древняя и Новая история от начала мира до настоящего времени», отнесённая Платоном во время ревизии новиковских книг к числу «сумнительных». Наконец, значительная группа новиковских изданий была посвящена географии и этнографии современной Новикову Европы.

Следующую группу научных изданий Новикова занимала медицинская литература. Она посвящалась темам, наиболее актуальным для массового читателя: акушерству, уходу за детьми, практическим сведениям и наставлениям по гигиене и лечению болезней⁵⁶. Из этой группы работ большой интерес представляет «Слово о кормлении младенцев» Семёна Зыбелина, где автор, виднейший профессор медицинского факультета, поднимал вопрос о борьбе с детской смертностью в крестьянской среде.

В стране, где научная медицина была достоянием лишь господствующего класса, просветительное значение медицинских изданий Новикова, предназначенных «простому народу», было огромно.

Из естественно-научной литературы, занимающей значительное место в новиковских изданиях, нужно выделить «Словарь натуральной истории», переведённый с французского В. Левшиным, и «Ботанический словарь» члена Вольного Российского собрания Мейера.

Большинство работ по естествознанию относится к концу 80-х годов, когда Новиков и его сотрудники по университету (Антонский, Подшивалов) начали широкую пропаганду естественно-научных знаний и стали издавать специальный журнал «Магазин натуральной истории». В естественно-научных изданиях, как и в книгах по отечественной истории, Новиков стремился просветительские идеи сочетать с практическими задачами развития национальной экономики.

Большинство научных книг напечатано Новиковым в Университетской типографии или в типографии компании в конце 80-х годов, и это, бесспорно, свидетельствует о том, что инициатива их издания принадлежала самому Новикову.

Последнюю группу новиковских изданий составляла литература непосредственно утилитарного характера. Наиболее значительное место в ней занимали сочинения в виде практических наставлений и руководств по сельскому хозяйству, агрономии, садоводству, ветеринарии и т. д. Эта литература дополняла теоретические работы по сельскому хозяйству, обосновывавшие преимущества рационального земледелия, и предназначалась прежде всего для помещиков, ставших на путь буржуазного рационализаторства и предпринимательства. Но эта же литература наряду с «Экономическим магазином» Болотова находила массового читателя и в кругах городского мещанства. Близко к утилитарной литературе по сельскому хозяйству стояли книги по домоводству, рассчитанные на городское мещанство. Таково, например, многотомное руководство «Хозяин и хозяйка...» (перевод с немецкого Левшина). Особую группу утилитарной литературы составляли наставления о поведении в обществе⁵⁷. Развитие капиталистических отношений в России, появление на сцене богатого купца и мещанина, культурный рост города закономерно рождали спрос на подобную литературу. Но именно она, а не художественная или научная литература, составляла в новиковских изданиях «типографический продукт».

⁵⁶ Например, «Лечебник», предназначенный «для пользы лекарей, находящихся в армии и в небольших городах» (1789 г.). «Городская и деревенская повивальная бабка» Даниила Самойловича (1780 и 1786 г.), его же «Наставление к борьбе с бешенством» (1780 и 1783 г.), «Исследование причин, от которых большая часть детей умирает» (1790 г.) и др.

⁵⁷ Например, «Дружеские советы молодому человеку, вступающему в свет», «Карманная памятная книга для молодых девиц» и др.

Огромная по масштабам, проникнутая просветительными целями, издательская деятельность Новикова требовала коллектива сотрудников и прежде всего переводчиков. Новиков не только создал такой издательский коллектив, но сделал его ядром общественного кружка, который перерос рамки масонства и приобрёл к концу 80-х годов большое идейное и общественное значение. В этом коллективе товарищи Новикова по масонству играли отнюдь не главную роль⁵⁸.

Основную группу сотрудников Новикова-книгоиздателя дал Московский университет. В их числе мы встречаем 13 профессоров и более 40 студентов университета и учеников университетской гимназии и пансиона. Наиболее активное участие в издательской деятельности Новикова среди профессоров университета приняли профессор математики Д. С. Аничков и виднейший профессор юридического факультета, передовой мыслитель и общественный деятель С. Е. Десницкий. Десницкий перевёл трёхтомную работу Блекстона о конституционном строе Англии, книги Боудена и Самборского по сельскому хозяйству, редактировал для Новикова книги Дильтея по вексельному праву, издавал в типографии Новикова свои публичные речи⁵⁹. Активными сотрудниками Новикова были также профессора философского факультета Сырейщиков, Маттеи, Барсов, известный профессор истории Чеботарёв, пропагандист идей Монтескье проф. Шнейдер, видный общественный деятель профессор медицинского факультета Зыбелин и др. Самый молодой из университетских профессоров 80-х годов, ученик Десницкого, А. М. Брянцев участвовал в новиковских изданиях и как переводчик и как цензор Университетской типографии. С большинством указанных лиц Новиков сотрудничал и в своих журналах 80-х годов и в филологической семинарии, и в Дружеском учёном обществе. Как общественный деятель и книгоиздатель, Новиков был связан с наиболее передовой частью профессоров университета.

Огромную роль в книгоиздательской деятельности Новикова играла студенческая молодёжь, которую он привлекал к литературной работе через Филологическую семинарию и Собрание университетских питомцев. Многие из них были иждивенцами Дружеского учёного общества. Студенты и ученики университета составляли также основное ядро сотрудников и переводчиков новиковских журналов 80-х годов. Из этого разнородного студенческого коллектива, составлявшего ядро новиковского кружка, выросли видные журналисты, литераторы, учёные. Таковы передовые журналисты, издатели «Политического журнала» Сохацкий и Подшивалов, профессора университета Гаврилов, Страхов, Снегирёв, Максимович, профессора натуральной истории и ректор университета видный пропагандист естественных и сельскохозяйственных наук А. Прокопович-Антонский, переводчик и литератор Я. Благодаров, видные общественные деятели и журналисты Невзоров и Лабзин и др. Участие студентов в издательской деятельности Новикова было непрерывным и нараставшим в течение всего московского десятилетия. Среди студенческих работ и переводов преобладали художественная, научная и общественно-политическая литература, но отнюдь не богословская или масонская.

⁵⁸ Из масонов наибольшую роль в издательской деятельности Новикова играли И. В. Лопухин, И. П. Тургенев, А. М. Кутузов и Багрянский. Роль остальных масонов как переводчиков и сотрудников Новикова-книгоиздателя была совершенно незначительна. Например, Гамалея, личный друг Новикова и активный переводчик масонской литературы, самостоятельно не издавался Новиковым ни разу. Шварц издавался Новиковым один раз как автор университетского учебника, а не масонских сочинений.

⁵⁹ Например, «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в разных состояниях общежителства» (1781), где Десницкий проводит мысль о буржуазной собственности как о высшей форме собственности.

Следующую группу авторов и переводчиков новиковских изданий составляли лица из духовных кругов, главным образом преподаватели гуманитарных предметов в Духовной академии и в духовных семинариях. Помимо Московской академии, Новиков имел сотрудников и переводчиков в 7 духовных семинариях Москвы и провинции. В Московской академии из сотрудников Новикова наиболее яркими фигурами были Аполлос⁶⁰ и Дамаскин Семёнов-Руднев. Последний — профессор словесных наук, крупный библиограф, близкий к Новикову по направлению научных интересов, — был в то же время видным общественным деятелем. С Дамаскиным Новиков сотрудничал ещё в 70-х годах в «Древней Российской Вивлиофике».

Значительную группу переводчиков и сотрудников Новикова составляли видные писатели и литераторы конца XVIII века. Таковы Херасков, куратор Московского университета, поддерживавший Новикова в течение всей его деятельности, писатели-разночинцы М. Попов, Костров, Аблесимов, Левшин, а также Болотов и Верёвкин. С новиковским кружком связано начало литературной деятельности Карамзина, участвовавшего в «Детском чтении» и переведшего для Новикова «Юлия Цезаря» Шекспира и «Эмилию Галотти» Лессинга. Из числа профессиональных писателей наиболее активными сотрудниками Новикова были видные литераторы и экономисты XVIII в. — Болотов и Левшин. Оба они в течение московского десятилетия работали по заказу Новикова⁶¹. По предложению Новикова, Болотов издавал в университетской типографии журнал «Экономический магазин», переводил для Новикова французские романы, печатал свои драмы и нравственные произведения. Наконец, Болотов просматривал у книгоиздателя Ридигера иностранные книги и отбирал их Новикову для перевода⁶². Через Болотова же Новиков организовал продажу книг в Богородске и Туле. Ещё более плодовитым и универсальным сотрудником Новикова был В. Левшин, подготовивший для Новикова 22 перевода и оригинальных произведения. Он был типичным писателем-разночинцем, для которого литература являлась единственным источником существования.

Более определённые издательские связи с Новиковым можно установить в отношении работ и переводов, сделанных в провинции. Уже самый факт отправки рукописи из Иркутска или Харькова в Москву свидетельствовал об определённой связи с издателем. Так с Новиковым были связаны Переверзев, директор Харьковского народного училища, автор местного топографического описания, и Засецкий, член Вольного экономического общества, автор топографического описания Вологды.

Из числа других авторов и переводчиков новиковских изданий следует отметить крепостного крестьянина графа Шереметева Вороблевского и московского купца Москвина.

Состав авторов и переводчиков новиковских изданий свидетельствует о том, что в своей деятельности Новиков опирался на постоянный круг сотрудников, главную роль в котором играли не московские мasons, а видные литераторы 80-х годов, профессора и студенты университета, преподаватели духовных семинарий. И если Болотов и Левшин, Десницкий и Аничков стали сотрудниками Новикова, уже будучи сложившимися писателями и учёными, то университетская молодёжь была вовлечена в литературу именно Новиковым; в его изданиях и журналах она проходила первую школу переводческой деятельности и самостоятельно-

⁶⁰ Учитель риторики и пиитики, ректор Троицкой семинарии, а затем Московской академии. Один из наиболее образованных церковных деятелей конца XVIII в., сотрудничал с Новиковым ещё в сатирических журналах. В московский период Новиков издавал и переиздавал Аполлоса 21 раз, преимущественно его учебники по риторике и пиитике.

⁶¹ Болотов, Т. IV, стб. 276.

⁶² Болотов, Т. III, стб. 1134.

го творчества. В этом смысле Новиков выступил прежде всего как общественный деятель и пропагандист русской литературы и просвещения.

Подведём итоги обзора книгоиздательской деятельности Новикова в 80-е годы.

Опираясь на прочную материальную базу и широкие общественные связи, не ограничивавшиеся масонством, Новиков развернул в Москве огромное по масштабам издательство, составившее не менее одной трети книжной продукции России за 80-е годы. Главное место в издательской деятельности Новикова этого периода занимала типография Московского университета, что свидетельствовало о ведущем значении общественных связей Новикова с Московским университетом, его профессурой и студенчеством. В течение всего десятилетия Новиков руководил основными типографиями своего кружка, ведал подбором литературы, просмотром рукописей, сношениями с авторами и переводчиками.

Значительная часть книжной продукции новиковских типографий была издана по инициативе Новикова, и это позволяет рассматривать его издания, наряду с журналами, как отражение его мировоззрения.

Издательская деятельность Новикова в 80-е годы, с точки зрения состава литературы, разделяется на три периода. Только во второй период (1783—1786 гг.) в новиковских изданиях преобладала богословская и масонская литература, так как в это время сказались идейное влияние и материальная зависимость Новикова от московских масонов, стремившихся поставить издателя под свой контроль. Наибольшего подъёма как в количественном отношении, так и по объективной ценности издательская деятельность Новикова достигла в конце 80-х годов.

Преодолевая идейное влияние масонов и освобождаясь от материальной зависимости от них, Новиков издавал в этот период наиболее острую по своей социальной направленности общественно-политическую, научную и художественную литературу (второе издание «Древней Российской Вивлиофики», Вольтер, Руссо, Циммерман, Бомарше, Мольер).

Анализ книжной продукции Новикова за 80-е годы опровергает установившийся в литературе взгляд на Новикова в московский период как на издателя по преимуществу религиозно-нравственной и масонско-мистической литературы. Из 893 названий книг, изданных Новиковым в Москве, эта группа составляла меньше одной четверти; основной же литературой была литература художественная, учебная, научная, общественно-политическая и т. п., имевшая огромное просветительное значение для русского общества конца XVIII века. Новиков-книгоиздатель, как и во всей своей общественной деятельности, был прежде всего просветителем-патриотом, пропагандистом передовой литературы и науки, самых различных областей знания в широких слоях русского общества.

Анализ изданной Новиковым литературы, с точки зрения тематики, идейного направления, литературных форм (сентиментальный роман, мещанская драма, бытовая комедия, фольклор) позволяет сделать вывод, что Новиков-книгоиздатель всей своей деятельностью обращался не к дворянскому обществу, а к демократическим кругам русского города, к «российскому третьему сословию».